

ЗАПИСКИ ЩУКИНА

РАССКАЗ

Щукин возвращался электричкой. Перед Москвой, прихватив сумку с товаром, он вышел в тамбур покурить.

Там стояли двое.

— Сумку оставь, и вали, — сказал один, надвинувшись на Нестора.

— Мужики, не надо бы, а?

— Ты что, не понял?

— Еще не поздно, — сказал Щукин. — И, надеюсь, вы оцените данный акт милосердия. Александр Македонский, отпуская на волю пленных индусов с их боевыми слонами, сказал: «Ступайте и расскажите всем о славе и величии греческого царя». А я вам скажу проще. Если еще раз замечу ваши поганые морды, накажу.

В ту же секунду Щукин ощутил удар, перед ним вспыхнули искры.

Похожие огни он любил наблюдать у реки, когда давали салют. При этом душа подполковника Щукина наполнялась непонятной гордостью за державу, которая обобрала его до нитки и выбросила на дно жизни. Только в дни праздников народа он стоял на мосту, а теперь лежал в жиже из снега и липкой дряни. Грохотали колеса, хлопала дверь. Пассажирам он был неинтересен: кто еще может валяться в тамбуре, кроме бомжа или алкаша...

Когда огни перед глазами погасли, Щукин обнаружил, что у него украли сумку. Интересно, кто, размышлял он, милиция? Вряд ли. Те бы сначала документ спросили, а уж потом по морде.

Он встал, отряхнул шапку, и выяснил, что челюсть вывихнута. Еще убытки. Двенадцать блоков «Явы золотой», купленных у оптовиков по полтиннику, это шестьсот рублей. Плюс то, что он мог получить с перепродажи — то есть десять рублей с блока, — еще сто двадцать. Но, главное, одолженные на раскрутку шестьсот долларов.

Одежда промокла, кожу стягивал холод, спина чесалась.

Выйдя на перрон, Нестор вздохнул и побрел в вокзальный туалет. Там пахло хлоркой, мочой и гуталином. Щукин посмотрел на себя в зеркало. Из-за перекоса его лицо съехало в сторону злобного изумления. С такой внешностью, да еще без регистрации, далеко не уедешь.

Некоторые граждане брились перед зеркалом и также с отвращением смотрели на свои лица, опухшие от водки и дальней дороги, хотя их никто пока не бил.

Щукин вынул карандаш, зажал его зубами и резко повернул. Вспыхнула боль, челюсть хрустнула, но встала на место. Он заперся в кабинке, снял джинсы, тельняшку, принялся выжимать их над унитазом, укоряя себя. Ну, не болван? Кто же прячет баксы в сумке? Лучше бы за пазуху или в ботинок. А теперь ни денег, ни товара.

Поскольку Щукин увлекался историей, он уважал Цицерона и верил в несокрушимую силу риторики. В туалете, обсыхая у батареи, он стал сочинять речь для кредитора. Вот, к примеру, если б тот призвал его к Лобному месту. Проект пла-

менел метафорами и цитатами, как клумба в городском саду, и мог поколебать самого черствого заимодавца, но не мясника из Апрелевки. К тому же и финал выглядел слабовато. Перед заключительными словами «...так что, пожалуйста, не отрубайте мне голову» требовалось внедрить мысль о том, что денег-то у него все равно нет и не скоро предвидится.

Он так увлекся, что не заметил, как рядом возникла работница туалета, толстая брюнетка с усами.

— Слушайте, мужчина, — молвила она, уперев руки в бока, — я за вами давно наблюдаю. Вы зачем пришли? Сделали свое дело — уходите. Мы закрываемся на уборку.

— Да, да, конечно, — согласился Щукин, неохотно отрывая спину от тепла.

В метро Нестор ездил по чужой пенсионной карточке, которую когда-то выменял за бутылку водки. Шаря по карманам, он вспомнил, что пропало кое-что важнее денег. От этого у него даже кольнуло в боку и по спине поползли мурашки. В сумке на колесиках остались паспорт гражданина Украины, но главное — тетрадь с записями впечатлений от быстротекущей жизни. То есть дневник, который он вел уже много лет, назвав «Записками Щукина», чрезвычайно им гордился, никому не показывал и мечтал когда-нибудь издать за свой счет. Он спускался по эскалатору, нащупывая ступени ватными ногами. Но когда раскрылись двери вагона, поезд проглотил Нестора вместе с его мыслями — то есть выключил аналитическое сознание и понес в Сокольники.

Московское метро еще и не на такое способно.

Настя, встав на табурет, как раз развешивала белье на кухне.

Устроившись у окна, Нестор стал смотреть на ее ноги. Ноги были так себе, среднего качества, как сказали бы в бывшем его батальоне, не для господ офицеров. К тому же, когда она приподнималась на цыпочки и отрывала ступни от тапочек-зайцев, Нестору были видны мозоли на ее пятках. Щукин, разглядывая наросты, похожие на янтарь-сырец, думал о том, что за комнату он платил Насте целых полгода, и неужели не хватило на педикюрные щипцы.

Да, так надо бы и записать в дневник: «Похожие на янтарь-сырец».

Она просила подать прищепки, и Щукин подавал, стараясь вложить деревяшки прямо в ее красные ладони. Настя, сопя, закидывала на веревку лифчики, кофточки и трусики, какие Щукин не раз видывал на Черкизовском рынке, где сбывал свои сигареты. Передавая прищепку за прищепкой, он не без тревоги ждал, когда она спросит про деньги.

Покончив с бельем, Настя позвала к чаю, и они принялись окунать в кипяток пакетики. Нестору всегда казалось, что такую расфасовку нарочно придумали, чтобы отучить людей от сердечного обряда чаепития. Не нужно колдовать у самовара, как любят русские, греть ладони о чайник на циновке по-японски или смотреть в глаза гостю, наполняя чашку, как принято у англичан.

Щукин снова подумал о сумке. Он представил, как воры развязывают шнурки и видят добычу — тугие блоки «Явы золотой». Деньги они, конечно, пропьют. Сигареты выкурят или сбудут у другого вокзала по дешевке. Паспорт с одесской пропиской и просроченной регистрацией выбросят на помойку. А его тетрадь, обкурившись, станут читать вслух, хохоча и вырывая страницу за страницей. Вот что в особенности обидно.

Нестору захотелось восстановить в памяти хоть какую-нибудь запись — ну, например, про то, как служил в спецназе, потом воевал добровольцем в Приднестровье или про то, как матросил на речной барже, но не смог. А могла бы получиться книга.

Настя, наблюдая, как Щукин пьет чай, закусывает печеньем, отламывая его по кусочку, как подбирает со стола крошки в ладонь, думала, что хотя мужик он и безденежный, но неплохой, совсем не злой и еще не старый. Только морщина на лбу, похожая на восклицательный знак, и усы искрятся. Ну, так это у многих искрятся, от переживаний судьбы. Она разглядывала его плечи, руки с крупными ладонями, как у землекопа или шахтера, острые коленки, обтянутые джинсами, и на мгновение представила, как он обхватывает ее ручищами и валит на постель. После развода с бывшим мужем-прапорщиком ее уж давно никто не обхватывал и не заваливал.

При последней мысли Настя почувствовала секундное обмирание организма и даже жар, но, быстро взяв себя в руки, произнесла в строгости:

— Итак, Нестор Иванович, кажись, сегодня у нас пятнадцатое?

От этого «кажись» ему всегда становилось дурно. Но теперь он был готов ко всему. Поэтому, уставившись в окно, где шевелились черные ветки, Щукин покорно молвил:

— Я помню, Анастасия Георгиевна.

Настя достала блокнотик.

— Значит, за февраль и март. Сто долларов. Или в рублях, если хотите.

— Мартовские календы еще не наступили, — мрачно заметил Щукин, не отрывая взгляда от окна.

Она уронила руки на колени.

— Что вы хотите этим сказать? Какие календы?

— Вы не поверите даже, — молвил Нестор, краснея, хотя говорил чистой правду, — но меня обокрали.

— Обокрали?!

— Ну, да, в электричке. Сумку с товаром укатали. А в ней деньги, паспорт. Нынче даже не знаю, как быть.

— Как быть, как быть, — передразнила Настя, вставая. — Все, Щукин. В таком печальном случае собирайте манатки и уходите.

Чтобы потянуть время, он убрал со стола чашки, свою и Настину, вымыл их, поставил в сушилку, протер стол.

— Пакетики не выбрасывайте, — приказала Настя, бдительно следя за Щукиным, — слишком жирно по одному разу заваривать. — И Щукин послушно привязал их сушиться над плитой. Издали они напоминали мокрых мышей.

— Вы, может быть, не в курсе, Анастасия Георгиевна, — сказал Щукин, — но мне и собирать-то нечего. Из манатков есть только карманные шахматы и книжка «Жизнь двенадцати цезарей».

Настя смотрела на Щукина мрачно, исподлобья, подперев голову ладонями.

— Вот вы, Анастасия Георгиевна, наверняка эту книжку не читали. А если б прочли, то узнали б, какая сволочь был император Нерон. Я вам даже больше скажу: хуже самого поганого подмосковного мента. Хотя подмосковный мент — самый злой в мире и хуже украинского, уж вы поверьте.

— Вы мне, Щукин, зубы не заговаривайте, — сказала Настя, шлепнув ладонью по столу. — Катитесь-ка лучше вместе со своими шахматами и цезарями ко всем чертям, пока я на самом деле милицию не вызвала!

— Примерно такой исход событий я и предвидел, — констатировал Щукин тоном полководца, проигравшего сражение.

Тут Настя заявила, что комнату она лучше вьетнамцам сдаст. Они хотя по-русски ни бум-бум и водку не пьют, потому что не могут ввиду природной слабости, зато тихие и платят вовремя.

— Водку они пьют, только настоящую на драконах, — возразил Щукин, служивший военным советником во Вьетнаме. — А платят от страха. Их так запугали, что они готовы платить всем подряд, лишь бы не война.

— Не ваше дело.

— Хорошо, — согласился Щукин, опершись о дверной косяк, — я уберусь. Шахматы возьму, буду дальше задачи разгадывать. А книгу о цезарях вам оставлю, на добрую память.

С этими словами он бросил ключи на стол, и Настя услышала, как в передней, щелкнув, затворилась дверь.

Нестору было некуда идти, и он устроился во дворе у песочницы.

Дул не сильный, но холодный ветер. Он обернулся. Единственно, что хоть как-то прикрывало спину, был железный щит с изображением ребенка. Ребенок полз на коленках, как собака, среди луга ярких опиумных маков, испуганно глядя на Щукина, а надпись гласила: «Все лучшее — детям!»

В Настином доме горели окна, кое-где мерцали телеэкраны, по которым передавали счастливую жизнь.

Нестор застегнулся, натянул на голову капюшон и попытался рассуждать системно.

Пропали паспорт, дневник, его выгнали из квартиры. Это плохо. Зато жив, и это хорошо. Угряз в долгах. Апрельский мясник пошлет своих шестерок по электричкам и рынкам — искать Щукина. Если его найдут, будет плохо. Но осталось пятьдесят рублей, и это еще куда ни шло. Руки-ноги целы, значит, есть свобода передвижений — тоже плюс. Минус в том, что плечо все еще болит после ранения. Особенно в непогоду.

После полуночи ветер утих. Щукин засунул ладони в рукава, поджал под себя колени, после чего его перестало знобить, и он незаметно уснул.

Ему сразу же приснился дивный сон, будто он в старом зале и вокруг сверкают люстры. Вдруг объявляют, что Нобелевская премия по литературе присвоена неизвестному доселе автору из России, Нестору Щукину. Господь милосердный, думает он во сне, да ведь это никак не меньше миллиона! И Насте хватит, и мяснику, и сумку с «Явой золотой» искать не надо, пусть подавятся! Гости аплодируют. Нестора просят к микрофону. «Ваше Королевское Величество, уважаемые члены Нобелевского комитета, дамы и господа! — начинает он. — Мог ли я, офицер запаса, а ныне простой торговец сигаретами, мечтать, что окажусь в самом Осло, где будет замечен мой скромный труд «Записки Щукина»!..»

В этом месте Щукин, к сожалению, проснулся.

Перед ним — Настя Филимонова, в платке поверх тертой шубки. Она протянула ему сверток.

— Зябко? Вот, хоть свитер возьмите, от мужа остался.

— Обойдусь, — сказал Нестор, отвернувшись. — Я, Анастасия Георгиевна, хоть нынче человек без адреса, но мое самолюбие уязвлено вами до последней степени крайности.

— Самолюбие? Нет, вы посмотрите на этого охламона! — воскликнула Настя, обращаясь в темноту, словно за ней была не помойка, а сверкающий зал в Осло. — За комнату не платит — и еще обижается. Берите теплую вещь, вам говорят! Пока не передумала!

Нестор развернул сверток и понюхал свитер.

— От него казармой пахнет.

— Чудак вы, Щукин, я же его в химчистку носила.

Он похлопал себя по карманам, достал сигареты, закурил.

Настя уселась рядом, плотнее укутавшись в платок.

Окна в доме напротив гасли одно за другим. Люди, насмотревшись телевизора, укладывались спать. Нестор вспомнил про раскладушку в Настиной квартире, про

наволочки со штампом «МПС», пахнувшие карболкой, про тяжелое, ватное и почему-то всегда чуть влажное одеяло, которое он любил натягивать до подбородка, и ему стало грустно.

Вдруг Настя сказала:

— После ухода вашего я задумалась...

— О чем? — насторожился Щукин.

— О разном... Вот живет человек рядом, знаете ли, и понемногу привыкаешь к нему, как к коту.

— Это уж вовсе обидно, Анастасия Георгиевна, — сказал Щукин, дыша на ладони. — Кот, хотя и чистошерстное животное, но жрет безмерно, чем нисколько на меня не похож. Зачем вы кривите душой? Гай Юлий Цезарь тоже кривил, за что его и зарезали у дворца, как свинью.

— Зарезали? — Настя посмотрела на Щукина с ужасом.

— Ну да.. Вы, очевидно, о другом думали, но съехали на кота.

— Вообще-то о другом, — успокоившись, согласилась Настя.

— Так о чем же именно?

— О вас. И обо мне... Если вы, Нестор Иванович, не дребедните и вас на самом деле обокрали, то денег с вас я нескорю получу.

— Логично, — согласился Щукин.

— С другой стороны, люди мы одинокие, и каждый из нас томится печалью неутоленного сердца.

Щукину показалось, что он уже слышал это в каком-то сериале.

— Что касается меня, Анастасия Георгиевна, то я томлюсь не столько сердцем, сколько желудком.

Настя на некоторое время умолкла, перебирая кисти вязаного платка.

— Я перед тем, как вас искать, кролика разморозила, — сообщила затем она, заглянув в синее лицо квартиранта.

Щукина заинтересовал проект с кроликом, и он встал.

— Вы же собирались его на Пасху разморозить?

— До Пасхи далеко, а пост еще не начался.

Стоило Щукину представить тушеное мясо, лицо его свело судорогой и рот наполнился слюной. Он даже сплюнул, чтобы избавиться от видения, и снова закурил, хотя и не хотел.

— К вашему кролику, Анастасия Георгиевна, я не смогу прибавить даже хлеба батон. У меня, правда, сохранились целых пятьдесят рублей, но булочная уже закрылась.

— Тогда хоть пива купите, — сказала она. — Как раз бутылки на три хватит. В ларьке всю ночь дают.

— Вам же с утра в депо?

— Завтра у меня выходной, — сообщила Настя гордо. — Я со сменщицей договорилась. Хотя после нее мойщики никогда вагон нормально не моют. А кому нравятся грязные трамваи? Вот вам, к примеру, нравятся?

— Не очень-то.

Поздний ужин задался, и Нестор, в майке, трико и тапочках, наслаждаясь теплом кухни, обсасывал ребра кролика.

— Волшебная еда. Такую еду, Анастасия Георгиевна, могли подавать лишь в Риме при императоре Августе.

— Откуда вы все это знаете? — спросила Настя, ковыряясь в зубах ногтем и допивая пиво.

— Прочел у Плиния Старшего. В ту пору закуски подавали на миниатюрных галерах, которые плавали в фонтане. Гости возлежали вокруг. Захотел закусить — дерни за веревочку. У вас случайно нет фонтана?

— У меня есть ванна, — строго сказала она. — И нам туда давно пора. Или передумали?

— Нет, нет!.. Но, может, сначала — вы?

— По отдельности с мужиками я уже пробовала, — со знанием дела отозвалась Настя, расстегивая халат. — Потом начинаются сюрпризы.

— Не понял...

— Вдруг вам что-то во мне не понравится?

— Мне в вас, Анастасия Георгиевна, все нравится, — сказал Щукин, неотрывно глядя на белое тело женщины.

— Это с непривычки, — объяснила Настя и, проведя пальцами по стриженной голове Щукина, ушла раздеваться.

Нестор снял трусы, повесил на крючок, отодвинул занавеску у ванны и восхищенно заметил:

— Даже не знал, что бывают такие водители трамваев! А то напялят на себя шмоток, а что там, под шмотками, сразу и не разберешь...

Утром молча, не глядя друг на друга, жарили яичницу, потом пили чай. Нарушив эту застенчивую тишину, Нестор изрек:

— Должен признать, что ты женщина замечательная.

— Прекрати, Щукин.

— Нет, в самом деле. Такие гетеры бывали только во дворце кесаря Калигулы, хотя он их не очень уважал, поскольку был еще и пидором.

— А кто такие гетеры? — насторожилась Настя.

— Ну, это вроде придворных купальщиц.

— Ага, ага...

Сам удивляюсь, как это за целых шесть месяцев я тебя не разглядел.

— Это комплимент? — спросила Настя, счастливо смеясь и вытирая руки о кухонное полотенце.

— Наподобие, — сказал Щукин, тоже сияясь улыбнуться.

Ему вдруг захотелось сделать для нее что-нибудь значительное. Например, если б остались деньги, сбегать к ларьку, купить шоколаду. Или починить кран в ванной. Или, больше того, покрасить окна и переклеить обои. А потом лечь на диван, закрыть глаза и ждать, пока Настя не подкрадется и не поцелует, как ночью. Но вчерашнее несчастье, когда рухнули последние надежды хоть немного заработать, раздать, наконец, долги и зажить по-человечески, камнем лежало на душе, не давая расслабиться.

Щукин наблюдал за движениями Насти, как ловко она расставляет тарелки в сушилке, подметает линолеум, и пытался разгадать, с какой стати, уже выгнав, она вновь пошла искать его. Пожалела? Или влюбилась? Хуже, конечно, если влюбилась. Нестору не хотелось связывать себя никакими чувствами, и любви женщины он боялся не меньше, чем своей, хотя уж, признаться, никого после смерти жены так и не полюбил.

Покончив с уборкой, Настя уселась напротив Нестора, привычно подперев голову ладонями.

— Мне, наверное, пора, — сказал Щукин.

— Куда ты собрался? — забеспокоилась Настя. — Если насчет комнаты, даже не думай. У тебя и так неприятности. Считай, что не должен мне ничего. И вообще... остался бы, если хочешь?

Щукин надел куртку, натянул на голову шерстяную шапку и погладил Настю по щеке. Он вроде бы впервые заметил, что глаза у нее не серые, как ему раньше

казалось, а голубые. Как у фирменной куклы Барби. Только живее и выразительнее. Данное наблюдение ему также захотелось занести в дневник, если б его не украли.

— Это из-за денег? — спросила она. — Сколько ты должен, кому?

Не дождавшись ответа, Настя махнула рукой, опрометью выбежала в свою комнату, вернулась с конвертом, вытряхнула на стол купюры, пересчитала.

— Вот, почти десять тысяч рублей, все, что у меня есть. На Турцию копила.

— Тогда я знаю, что мы сделаем.

На вокзале Нестор с Настей увидели рекламу, сверкающую, как новогодняя елка. Надпись гласила: «Выиграй поездку в Бразилию, страну, где растет табак для «Явы золотой!»»

До посадки оставались минуты.

Щукин разглядывал витрину.

— Чем меня в особенности удивляет Россия, Анастасия Георгиевна, так это тотальным враньем. Во-первых, никто ничего не выиграет. Это факт. Во-вторых, табак для «Явы золотой» растет не в Бразилии, а в лучшем случае в Болгарии...

— Будто бы у вас на Украине не врут, — возразила Настя.

— В Одессе, — строго поправил Нестор, подняв вверх палец, — у нас шутят. Это не одно и то же.

...Тело Щукина, которое лежало в тамбуре посреди лужи крови, нашли под утро, когда бригада машинистов осматривала вагоны перед выездом из депо на маршрут.

Щёлкино, 2004 год.